

Виноградное вино в кубке из светящегося нефрита — темно-красный нектар колыхался в белоснежной яшмовой чаше, красный, как голубиная кровь, нежный, как баранье сало, сияя и переливаясь в блеске ярких огней.

А на кубке из светящегося нефрита лежала рука Се Юня: указательный и средний пальцы были слегка сведены вместе, движения очень изящные, костяшки длинные и увлажненные, в каком-то забвении они словно слились воедино с нефритом «баранье сало».

Взгляд Дань Чао невольно застыл на них, целых несколько мгновений он не отводил глаз, пока Се Юнь внезапно не поднял кончики пальцев и не постучал дважды по стенке кубка, неторопливо и размеренно.

Дань Чао резко поднял взгляд и увидел холодное выражение лица Се Юня.

— На что смотришь?

Дыхание Дань Чао слегка сбилось, он отвел взгляд и не ответил. К счастью, Се Юнь не стал допытываться, лишь усмехнулся.

— Наливай.

Эти слова «наливай» были обращены не к нему, а к девушке рядом.

В музыкальных кварталах Чанъани, этом притоне расточительства, за ночь легко спустить тысячу золотых, и это норма. А в Тереме Чэньсинь всё, без исключения, было вдвое дороже, чем в других заведениях, но цена была не обманной — она напрямую отражалась на красоте и прелести девушек.

Се Юнь не скрывал лица — скрывать лицо означало бы прямо объявить всему Чанъаню, что командующий императорской гвардией пришел в публичный дом. Но, войдя, он взял горсть золотых «семечек» и рассыпал их в качестве чаевых, потребовав, чтобы вино наливала первая красавица, цветок-фаворитка. Хозяин музыкального квартала лишь мельком взглянул на пробу золотых «семечек» и сразу осознал, что это важный гость. Без лишних слов он проводил их в лучшую ложу, а также прислал четыре популярные девушки играть на струнных и бамбуковых инструментах для сопровождения.

Цветок-фаворитка грациозно протянула руку, налила Дань Чао полную чашу прозрачного вина светло-золотистого цвета и с улыбкой произнесла.

— Это наше фирменное вино Проникающее до костей, которое девушки нашего Терема Чэньсинь готовят собственными руками. В качестве сырья используются свежие цветы и фрукты, оно опьяняет, но не вредит здоровью. Прошу вас, господин, оцените.

Она повидала бесчисленное множество людей, и взгляд у нее был точный. Хотя Се Юнь был необычайно красив и щедр, но слишком щедр, и в чертах его лица явно сквозила убийственная аура — ощущение было не от мирного богатого аристократа. Дань Чао же казался гораздо более спокойным и устойчивым, и к тому же совершенно неискушенным в делах любви и удовольствий: с момента прихода он даже не смотрел в их сторону. Такого новичка расположить к себе — пара пустяков.

Цветок-фаворитка вполне уверенно относилась к своей красоте. Легко коснувшись рукой с тонким платком плеча и спины Дань Чао, она поняла, что этот господин, должно быть, занимается боевыми искусствами: статный, прямой и одинокий, несравненно выше тех

бездельников-аристократов, с которыми ей обычно приходилось иметь дело, и в сердце ее уже зародилась некоторая симпатия.

Но кто бы мог подумать, что Дань Чао отшатнется, запрокинет голову и одним глотком осушит вино, после чего молча поставит нефритовую чашу.

Цветок-фаворитка немного опешила, но поспешила улыбнуться.

— Господину понравилось?

И снова налила чашу.

Дань Чао не ответил ей, снова поднял чашу и осушил.

Нефритовый графин в руках фаворитки застыл в воздухе, и как раз в момент, когда она не понимала, в чем дело, Се Юнь наконец заговорил.

— Еще налей.

Фаворитка не осмелилась сказать лишнего, с напускной нежной улыбкой налила еще чашу искрящегося вина и воочию увидела, как Дань Чао в третий раз одним махом выпивает Проникающее до костей — вино, которого обычные посетители веселых кварталов жаждут, но не могут получить.

После этого его лицо не изменилось, он молчал, казалось, не слышал тихих песен и музыки, сидел прямо и смотрел в глаза Се Юню.

Цветок-фаворитка действительно не понимала, в какую игру играли сегодня эти два почетных гостя. Она интуитивно чувствовала, что столкнулась с трудными клиентами, и как раз думала, как бы подобрать слова, чтобы разрядить обстановку, когда Се Юнь равнодушно произнес.

— Чего ты замешкалась?

Голос был легкомысленным, но интонация ледяной. Нежная маленькая ручка фаворитки невольно дрогнула.

Ей пришлось, сдерживаясь, наливать одну чашу за другой, а Дань Чао, не говоря ни слова, пил одну чашу за другой. Хотя никто не говорил и не чинил препятствий, постепенно нарастающая напряженность в атмосфере заставляла ее чувствовать себя как на иголках. Наконец, когда весь нефритовый графин опустел, фаворитка набралась смелости и деликатно сказала.

— В последние дни я случайно простудилась, поэтому и цвет лица потеряла. Если гостям не нравится, у нас в тереме есть сестры Весенний Цветок и Осенняя Луна, их красота и таланты тоже наивысшего уровня. Не соблаговолят ли гости взглянуть?

Ход мыслей фаворитки был удивительно похож на мышление командующего Се: если не нравится — просто смени.

В этом и проявлялась ее способность понимать настроение и быть приятной: она не ревновала и не злилась, если гость выбирал другую девушку, а говорила очень мягко и умело, что как раз и показывало, в чем Терем Чэньсинь превосходит другие музыкальные кварталы.

Однако Дань Чао усмехнулся — улыбка была краткой, мгновенно растворившись в темных глазах.

— Благодарю за доброту, но не нужно. Все, удалитесь.

Цветок-фаворитка опешила.

— Гость, возможно, считает, что музыка груба и недостойна его слуха?

— Нет.

— Тогда, может, девушки ведут себя неприлично и недостойны его взгляда?

— Тоже нет.

— Тогда...

Фаворитка хотела что-то добавить, но Дань Чао неспешно поднялся и с высоты своего роста посмотрел на Се Юня.

— Учитель, я сначала выйду. Если учителю приглянется какая-нибудь или несколько девушек, можете спокойно провести с ними ночь, я подожду вас снаружи.

Единственная мысль фаворитки была: на свете есть и такие, где учитель ведет ученика в публичный дом — действительно наглядное обучение.

Се Юнь медленно поднял руку и сделал отмахивающий жест, но уже в сторону нескольких девушек.

— Выйдите.

Фаворитка не осмелилась вымолвить ни слова, поспешно поднялась, отступила и, ведя за собой остальных четырех девушек в комнате, бесшумно удалилась.

Когда в комнате не осталось посторонних, Се Юнь наконец спросил.

— Ты презираешь их?

— Нет, — ответил Дань Чао.

— В городе Чанъане чиновники постоянно сменяются, многие знатные семьи в одночасье подвергаются конфискации имущества, а женщин из внутренних покоев продают в музыкальные кварталы, и большинство попадает именно в Терем Чэньсинь. Не смотри, что девушки здесь из сословия артисток, многие из них по образованности и талантам не уступают Цзиньсинь. Не стоит просто так смотреть на них свысока.

Дань Чао помолчал мгновение.

— Я никого не презираю.

Затем он резко сменил тему и холодно произнес.

— Командующий Се — ты так высоко ценишь Цзиньсинь, даже в нескольких словах постоянно упоминаешь ее, потому что она дарована тебе императрицей У?

Се Юнь не ожидал, что он внезапно задаст такой вопрос, слегка опешив, он без тени смущения язвительно приподнял край брови.

— Я думал, твоя глупость хотя бы немного меньше, чем у госпожи Хэлань, но, оказывается, одинаковая. Я ошибся.

Дань Чао тут же открыл рот, но не успел ничего сказать, как Се Юнь внезапно спросил.

— Знаешь, почему это место называется Терем Чэньсинь?

— Чэньсинь, — протяжно произнес Се Юнь. — Покойный император лишил наследного принца Чэнцяня престола, тот любил музыканта из Приказа великого жертвоприношения по имени Чэньсинь. Узнав об этом, император пришел в ярость, велел схватить его и казнить, несколько человек были казнены как соучастники. Чэнцянь горько плакал, утром и вечером приносил жертвы Чэньсиню в саду, дошел до того, что несколько месяцев не являлся ко двору под предлогом болезни и в итоге поднял мятеж, потеряв жизнь.

— Поэтому Чэньсинь — это южный ветер, — взгляд Се Юня скользнул из уголка глаза на Дань Чао, словно тая в себе опасный скрытый смысл. — И это также причина, по которой этот музыкальный квартал пользуется такой славой в Чанъане.

Зрачки Дань Чао слегка сузились.

В следующее мгновение дверь тихо постучали несколько раз, и затем ее открыли. Четверо юношей с изящными фигурами и красивыми лицами вошли один за другим. На вид им было лет четырнадцать-пятнадцать, все нежные, утонченные, наивные и юные, выстроились в ряд и поклонились им.

Дань Чао изумленно воскликнул.

— Ты...

Се Юнь, подперев голову рукой, сказал.

— Мне не прислуживайте, у меня нет вкуса к такому.

Затем он кивнул в сторону Дань Чао и приказал мальчикам.

— Идите туда, если хорошо прислужите — получите щедрое вознаграждение.

Мальчики все склонились в поклоне, говоря «да», их голоса, журчащие, были тоньше и нежнее, чем у девушек.

Дань Чао совсем остолбенел. Пока он пребывал в этом оцепенении, мальчики один за другим подошли и окружили его: один стал массировать плечи, другой — похлопывать по ногам, третий налил вино и поднес его вперед.

Эти юноши были как раз в том возрасте, когда пол еще трудно определить, к тому же все были напудрены и нарумянены, говорили тихо, нежно и слабо, еще более женственно, чем те девушки ранее. Опомившись, Дань Чао сразу же отпрянул, но в этот момент старший из мальчиков, казавшийся немного взрослее, протянул ему вино и с улыбкой спросил.

— Братец, вы, наверное, впервые здесь?

Дань Чао поднял руку и отстранил чашу. Мальчик не придавал этому значения, все тем же тонким голосом сказал.

— Первый раз — незнакомец, второй раз — уже свой. Если братец будет часто приходить в будущем, узнает, в чем прелесть...

Сказав это, он игриво подмигнул, улыбнулся и снова наклонился вперед верхней частью тела.

Дань Чао нахмурился.

— Отойди!

Мальчик закатил глаза, поставил полную чашу Проникающего до костей, взял виноградинку из хрустального блюда, изящными руками очистил ее и, полный нежности, поднес ко рту Дань Чао.

— Раз братец не пьет вино, тогда...

Дань Чао наконец не выдержал и резко вскочил.

— Я сказал, отойди!

Юноши замерли.

Музыка внезапно прекратилась, мальчики переглянулись, в их взглядах читалось недоумение.

Се Юнь все так же подпирал голову рукой и наконец неспешно произнес.

— В чем дело?

<http://bllate.org/book/15578/1387238>